

Страсти по-японски.

Саймон МакБерни – один из самых интересных режиссеров современного театра. В юности он после Кембриджа закончил легендарную парижскую театральную школу Жака Лекока. Наверное поэтому своему лондонскому театру он дал французское имя, Complicité, что можно перевести как соучастие или взаимопонимание. Несмотря на то, что у них нет постоянной площадки и приходится колесить по миру, сегодня художественный руководитель Complicite и его театр известны почти также, как Питер Брук, с которым Саймон МакБерни связан на протяжении десятилетий. По обе стороны Ла-Манша критики сходятся во мнении, что МакБерни представляет едва ли не единственный пример европейского режиссера художественного театра, востребованного во всем мире, в том числе и на Бродвее.

Премьера «Шун-Кин» состоялась в Токио- спустя 6 лет после «Исчезающего Слона» МакБерни вновь поставил спектакль с японскими актерами из «Сетагайя паблик театр».

Photo Tsukasa Aoki

Жестокая сказка о любви Юнихиро Танизаки «Шун-Кин», переложенная МакБерни для актеров, кукол и музыкантов, превращается в чарующую вневременную историю о неисповедимых путях страсти. О том, что темная сторона нашей души иногда приносит больше света, чем ясная, видимая. О красоте, что таится не в свете, но в темноте – согласно философии «Похвалы Тени» того же Танизаки, влившейся в сюжет «Шун-Кин».

В романе рассказывается история страсти длинную в жизнь Шун-Кин и ее слуги Сазуке. В детстве в силу странной болезни девочка из семьи богатых потомственных аптекарей Осако слепнет, и тогда отец приставляет к ней поводырем мальчика-подмастерье. Однако, для мальчика служение слепой красавице становится смыслом жизни, единственной, сразу и навсегда, страстью души. Шун-Кин божественно играет на сямисэне- чтобы быть ближе к возлюбленной Сазуке тайно по ночам начинает изучать игру на этой трехструнной японской лютне, инструменте аристократическом По-преимуществу. Позднее в знак любви Шун-Кин сама будет давать своему непосвященному слуге уроке сямисэна. Страсть учителя и ученика, слуги и госпожи носит характер абсолютного соединения плоти и души, и одновременно принимает странные формы садомазохистского ритуала: жестоко мучая тело Сазуке, Шун-Кин как бы вымещает на нем несправедливость собственной судьбы. Но тот принимает все, в том числе и жестокость, как высший дар, и так вплоть до последней жертвы, которую он приносит своей любви: чтобы стать единым с Шун, он ослепляет себя, и при этом прибывает в состоянии счастливой благодати. Пережив возлюбленную на несколько десятилетий, слепой старик не устает восхищаться ее совершенством и благодарить бога за все, что сблизило их, в том числе и за свою слепоту.

Виртуоз театральной выразительности, МакБерни раскладывает сюжет на несколько уровней, так что действие происходит одновременно в прошлом, настоящем и будущем, и в разных жанровых регистрах. Спектакль начинает рассказчик, немолодой мужчина, который в исповедально-доверительной манере вспоминает историю появления книги в 1933, совпавшей с его собственным появлением на свет. (В этой роли один из самых знаменитых актеров бруковской труппы, Йоши Оида, игравший и в «Конференции птиц», и в «Махабхарате») Действие переносится в Японию 30-х годов, где все общество обсуждает этот по тем временам абсолютно скандальный роман Танизаки. Потом разыгрывается непосредственно история Шун-Кин, уже в Осако XIX века, и в стилистике старинного театра. Но и та в свою очередь отстраняется эпизодами-перебивками в студии, где в сегодняшнем Токио актриса записывает роман Танизаки для радио, а в перерывах между сеансами, как в комических интермеццо, обсуждает по мобильнику взаимоотношения с любовником.

Все действие происходит в полумраке - неяркий луч света выхватывает из темноты отдельные фигуры или сценки. Основной стилистический посыл в сценографии- типичная для японского искусства склонность к недосказанности, незавершенности. Сцена представляет пустую черную коробку, в глубине которой время от времени, благодаря искусным видеокартинкам, проступают нечеткие контуры пейзажа, или белые трепещущие тени птиц, которых выпускает полетать на волю Шун-Кин. Те самые бумажные птицы, что сначала «оживают» в руках японских актеров. Как оживают в их руках обычные деревянные шесты, превращаясь в стены дворцов, раскидистые деревья, укромные беседки. Действие, как в кукольном театре бунраку, идет под аккомпанемент сямисэна. Музыкант, великий Хондзо Хидерато, расположился справа, в глубине сцены. Под его пальцами сямисэн становится живым существом, кажется, он гневается и страдает, испытывает величайшую радость, ласкает и плачет. Изысканная красота ритуального японского театра служит рамой для сложносочиненного спектакля МакБерни.

Шун-Кун в спектакле -это кукла театра бунраку, которую ведут две актрисы, составляющие с ней единое целое: кукла- девочка, кукла расцветающей женщины. Потом кукла исчезает, как будто растворяясь в черной коробке сцены, и ее место на краткий миг занимает живая актриса, играющая с отстраненностью и грацией одухотворенной марионетки бунраку. В то время как кукла кажется обретает плоть в любовных сценах с

живым актером, играющим роль Сазуке. Действие балансирует между явью и сном, мечтой и реальностью с тонкостью и деликатностью японской акварели.

Photo Sarah Ainslie

Шун-Кун – кукла театра бунраку